

С. В. Мержанов,
архитектор

Неизвестная Гжель

Культуре просто необходимо звучание множества инструментов, чтобы создать изумительную симфонию воспоминаний и мыслей людей.

Фредерик Россиф (Курьер ЮНЕСКО. 1990, май)

Гжель! Слово это, древнее и зачарованное, сразу вызывает в памяти белосиние переливы замечательного подмосковного промысла. Гжель столь же знаменита во всем мире, как Хохлома и Палех, как Мстера и Федоскино, как павловские платки и вологодские кружева. О Гжели написаны книги, о возникновении и развитии промысла рассказано в сотнях статей.

И все же возьмем на себя смелость утверждать, что Гжель в действительности не так уж хорошо известна многим из тех, кто ценит ее искусство. И сегодняшний рассказ мы поведем не об истории производства и технологии изготовления керамических изделий Гжели, а об особенностях и своеобразии природной и культурной среды, которая сложилась в этом необычном регионе.

В чем же его необычность? Если посмотрим на физическую карту, то увидим, что территории к востоку от Москвы, в междуречье Москвы-реки и Клязьмы, примечательны большим числом мелководных речек, крошечных озер, кое-где переходящих в болота. Это Мещера, распростертая на сотни километров по территории Московской, Владимирской, Рязанской областей. На протяжении веков здесь были густые леса, растущие на бедных, плохо приспособленных для сельского хозяйства песчаных почвах. Крестьяне, не имевшие достаточно места для пашни, стремились найти другие источники существования. Они занимались ручным ткачеством, резьбой по дереву, изготовлением глиняных изделий. Так и родился на гжельской земле керамический промысел.

Давайте же теперь совершим путешествие в Гжель из Москвы. Сделать это нетрудно: здесь ходят электрички и рейсовые автобусы. Каждая из этих дорог — железная и автомобильная — по-своему интересна. Выберем более древнюю «артерию», ныне автомагистраль, которую и сейчас в некоторых здешних деревнях и селах именуют, как и прежде,

«трактом». Уже вскоре после промышленных Луберец и оживленных дачных мест — ничто не напоминает о близости многомиллионного города. Дорога то и дело ныряет в лес, вьется, неоднократно пересекая идущее рядом железнодорожное полотно. Густые, порой кажущиеся непроходимыми заросли заставляют вспомнить, что вот так же, по густому лесу ехал в Золотую Орду шесть с лишним веков назад князь Иван Данилович Калита. Это благодаря ему Гжель впервые попадает в официальный документ — «духовную грамоту»: «Се дал есмь с(ы)ну моему болшему Семену: Можаяск, Коломну со всеми Коломенскими вол(о)стями, Городенку, Мезыню, Песочну... деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки...»

Но возвращаемся в наши дни. Все ближе Гжель, все желаннее встреча с нею. Вообще-то я глубоко убежден в том, что настоящее восприятие ценностей начинается не с того момента, когда мы соприкасаемся с ними непосредственно, а несколько ранее, в процессе постепенного приближения к ним. Не правда ли, эффект от знакомства с Троице-Сергиевой лаврой вовсе не был бы таким сильным, если бы мы перед этим не преодолели полсотни километров от Москвы, то «падая» в овраг, то поднимаясь на горку, по традиции увенчанную церковным зданием. Не показалось бы таким удивительным сочетание озерной глади с монументальными башнями и храмами Кириллова, если бы мы были подготовлены к их восприятию самим процессом движения вдоль синего Кубенского озера со сверкнувшей где-то вдали жемчужиной Спасо-Каменного монастыря. Так и здесь: густой, кажущийся зачарованным лес, неожиданно расступаясь перед Гжелью, создает своего рода «эффект неожиданности», заставляя ощущать открытое пространство более широким, чем оно есть в действительности.

От деревни Обухово на западе до

деревни Сидорово, служащей крайним восточным пунктом гжелского региона, — по прямой около пятнадцати километров. Слева, за железнодорожной станцией Гжель, — весьма нехарактерный для этой местности кусочек современного урбанизированного пейзажа с промышленной зоной и неизменно сопутствующими ей пятиэтажками. А справа на горизонте синее все тот же лес. Можно привести строки, прочитанные в одном из альбомов, посвященных Гжели: «В гжелском краю нет особенных красот, только широкое поле, голубое небо, полоса синего леса вдаль, да прозрачный воздух вокруг небольших деревень. Не эту ли трепетную синеву перенесла Гжель на белоснежную гладь фарфора да так и оставила?»

Как и всегда на открытом пространстве, здесь хорошо воспринимаются высокие объемы. В последние годы ими стали заводские трубы. Но и они не смогли подавить традиционных вертикалей гжелской местности. Вот в стороне, на переднем плане проступает приметный и странный силуэт речичского храма. Где-то за ним виднеется нарядная колокольня в Игнатеве с шатровым завершением. И, наконец, прямо впереди — изящный шатер Георгиевской церкви в Ново-Харитонове. Три храма, выстроенные за каких-нибудь полвека, демонстрируют различные этапы развития русской архитектуры середины прошлого и начала нынешнего столетия.

Вплоть до начала XIX века каменных и кирпичных храмов здесь, в районе Гжели, не строили. В округе, как никакой другой, богатой лесом, предпочитали воздвигать церкви из дерева, которые, впрочем, не дошли до нас. Но сохранилось множество культовых зданий, выполненных из кирпича и укладываемых в столь короткий временной отрезок — 1860—1910 годы. В этом состоит еще одна своеобразная черта Гжели и ее ближайших окрестностей.

Начиная с середины прошлого века во многих уголках России новые краснокирпичные храмы стали подражать известным древнерусским образцам. В церковном зодчестве этого периода широко распространилось традиционное пятиглавие, основательно подзабытое в эпоху классицизма. Церкви «о пяти главах», строившиеся в ту пору, старались перенять у XVII века сложность декоративного наряда, многоцветие внешнего облика. Строители храма во имя Георгия Победоносца в селе Игнатеево как раз и пытались следовать этим принципам. И хотя декор в виде многочисленных бусин, поясков, валиков, кокошников, будучи суховатым по прорисовке, явно уступает избранным прототипам, мест-

ные мастера сделали все возможное, чтобы придать храму нарядность. Стройные барабаны пятиглавия, как и колокольня, увенчаны небольшими шатриками. Этого не могло быть в «истинном» зодчестве XVII века — вот где проявила себя эпоха многостилья, известная под названием «эkleктики». Зато сочетание ярко блестящих на солнце металлических навесов, а также дающего сильную светотень кирпичного декора с яркой покраской делает его весьма привлекательным при обзоре с дальних расстояний.

Безлесное пространство, вытянувшееся к востоку, уходит за холм, и лишь одиноко стоящая вдаль стройная колокольня обозначает местоположение еще одного крупного населенного пункта. Село Карпово до 1860-х годов не имело кирпичной церкви. В нынешнем здании только с недавних пор возобновилась служба, и потому храм требует основательной реставрации. Но его колокольня, словно маяк, зовет к себе, что очень символично в пору возврата в нашу духовную жизнь многих и многих поруганных, но еще хранящих себя святыми.

В этой связи необходимо упомянуть и перестроенную, обезображенную церковь Успения в селе Гжель, также возведенную во второй половине XIX века. В ее формах еще живы традиции сравнительно недавнего для того времени классицизма с его пилястрами, сандриками, профилированными карнизами.

К западу от Игнатеева, расписная церковь которого эффектно отражается в лежащем по соседству озерце, виднеется куб из темного кирпича. Это Вознесенский храм в селе Речицы. История его строительства любопытна и одновременно характерна для русской провинции. В начале XX века здесь задумали построить монументальную пятиглавую церковь. Возвели мощный нижний ярус, но на завершение не хватило средств. Пришлось ограничиться единственной главой, которая теперь плохо сочетается с основным объемом храма. К тому же луковичное завершение колокольни, пострадавшее от пожара уже в советское время и замененное на низенькое четырехскатное покрытие, своей неуклюжестью лишь усугубило впечатление грузности нижней части. При подходе к этой церкви ясно видно, что она должна была принципиально отличаться от изящного игнатеевского храма. Тем не менее, какой бы неудачей мы ни считали речичскую церковь, она интересна для истории и внешним обликом и многочисленными казусами, которыми наполнена ее биография.

В безлесном и относительно плоском по рельефу районе Гжели колокольни

храмов видны на многие километры. В Ново-Харитонове возвышается шатер идеальных пропорций, который при более близком знакомстве оказывается вовсе не колокольной, а завершением основного объема храма. Шатровое зодчество этого времени — обращение уже не в XVII, а в XVI столетие. Тогда, при Василии III, Иване Грозном и Борисе Годунове, по всей России поднимались церкви с шатровым покрытием. Обычно устремленный ввысь, шатер символизировал победу над очередным врагом, каких много было в то неспокойное время. Шатер ново-харитоновской церкви, которая по символическому совпадению посвящена Георгию Победоносцу, невелик по высоте и с некоторых точек обзора буквально подавлен многочисленными трубами находящегося по соседству предприятия. Но стоит отойти в сторону — и церковь словно сама находит нужный ей антураж, включающий в себя украшенные резьбой деревянные избы, суровые амбары с двускатными кровлями, стога сена в лугах. Шатер церкви, композиционно поддерживаемый миниатюрным шатриком звонницы, как бы вырастает из окружающей сельской среды с ее традиционными атрибутами. Даже при беглом взгляде на храм становится ясным, что автором его проекта был незаурядный мастер.

Долгое время краеведы не знали, кто же именно разрабатывал проектное решение церкви. Известно было лишь то, что Георгиевский храм — старообрядческий и строился он по заказу владельца местного предприятия Ивана Емельяновича Кузнецова. Лишь теперь мы узнали фамилию архитектора. Это замечательный русский и советский зодчий Борис Михайлович Великовский.

Он родился в 1878 году в Белоруссии. Окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге. Поселился в Москве. «Свободный архитектор» — называет себя он в автобиографии. «За это время, — продолжает Великовский, — мною спроектировано и построено более 150 зданий разного назначения. Преимущественно типа жилого, административно-конторского, школьного, общественно-культурного и, наконец, фабрично-заводского».

Великовский не упоминает о культовых зданиях, поскольку церковь в Ново-Харитонове фактически единственная постройка такого жанра во всем его творчестве. В 1908—1909 гг. вместе с инженером А. Н. Милюковым и молодыми в то время братьями Веснинными он проектирует и строит доходный дом И. Е. Кузнецова на Мясницкой улице в Москве. Каким образом состоялась знакомство с семьей Кузнецовых, сам архитектор не говорит, но уже следующую свою работу

датирует 1910—1912 годами: «Поселок в Гжели — особняк, здание общежития и церковь».

Здесь Великовский имел в виду, конечно же, не само село Гжелль, а название всего промысла, одним из основных центров которого и было в то время Ново-Харитоново. В семейном архиве зодчего хранится акварельное изображение этой церкви, выполненное им, по всей вероятности, уже с натуры. Кстати, дача архитектора находилась относительно недалеко, около нынешней платформы «42-й км» по Рязанскому направлению, на территории кооператива «Научный работник», автором планировки и застройки которого также был Великовский.

Как уже говорилось, храм этот, несмотря на небольшие размеры, воспринимается монументальным произведением. Этому способствуют пропорции всего объема и, в частности, шатрового завершения. Визуально более стройным храм делают стрельчатые кокошники в основании шатра, как бы наложенные один на другой. Из всего обилия замечательных шатровых храмов в русской архитектуре подобный прием расположения стрельчатых кокошников был применен в деревянной Успенской церкви северного селения Варзуга, а также в знаменитом храме-монументе в честь рождения Ивана IV — церкви Вознесения в Коломенском. Тем не менее Георгиевскую церковь Великовского можно назвать монументальной лишь относительно, поскольку пластическое решение порталов, звонницы, апсид приближает ее к человеческому масштабу. Это была именно домовая церковь Кузнецова — не случайно в подклете заказчик предполагал разместить фамильный некрополь.

Судьба остальных построек, входивших в Ново-Харитоновский комплекс, более печальна. Построенные из дерева, они не дожили до нашего времени: «общежитие», или попросту богадельня, сгорела в 1918 году, а особняк был разобран десятилетием позже.

Большой род Кузнецовых, исповедовавших старообрядчество, играл на рубеже XIX и XX веков немалую роль в хозяйственной и культурной жизни России. Кузнецовым принадлежали наиболее крупные керамические предприятия Подмосковья: Конаково, Вербилки, Дулево. Владельцем Дулевского завода был двоюродный брат И. Е. Кузнецова — М. С. Кузнецов. Отец же последнего, Сидор Терентьевич Кузнецов, похоронен здесь, в гжелском крае, недалеко от Речиц, на Коптевском старообрядческом кладбище. О кладбищах можно было бы говорить отдельно. И о том, как за последние полвека в буквальном смысле было уничтожено более древнее старооб-

рядческое кладбище в самих Речицах, вместе с деревянной церковью, и о том, что кое-какие из старых надгробий на Коптевском кладбище, в том числе и надгробие С. Т. Кузнецова, сохранились и требуют к себе неотложного внимания общественности.

В Гжели что ни эпоха, то новая, неисследованная область. Взять хотя бы сельскую деревянную архитектуру. В каждом населенном пункте — множество домов, фасады которых украшены пропильной и накладной резьбой. Среди них есть и понастоящему высокохудожественные произведения.

Что касается пропильной резьбы, то и по отношению к ней еще несколько лет назад применялись в основном отрицательные эпитеты. Вот что было написано в одном из путеводителей по Подмоскovie: «Даже прославленный керамический центр Гжель в сохранившейся старой части поселка не привлекателен для глаза исследователя народного творчества. Избы, откровенно доживающие свой век, чуть приукрашены измелеченным дробным декором. Маловыразительная пропиловочная резьба более подчеркивает однообразие и скудость жизни дореволюционного ремесленника, нежели придает облику дома нарядность».

Что ж, мнения могут быть разными. Кстати, пропильной резьбой украшали дома не только в начале века, но и на протяжении 1920-х и 30-х годов, и по этой причине она уж никак не могла подчеркивать «скудость жизни» исключительно дореволюционного ремесленника. И в пятидесяти — шестидесяти годы исследователи русского народного деревянного зодчества делали акцент в основном на художественный облик жилых домов. Ну а если посмотреть на эти сельские постройки принципиально с иной точки зрения? Ведь далеко не только шедевры, а точнее, не столько они формировали архитектурно-художественную среду города и села. Развитие пропильной резьбы в первой трети нашего века, продолжавшееся независимо от политических катаклизмов, интересно со многих точек зрения. В трудах последних лет, посвященных русской пропильной резьбе, отмечается, что начиная со второй половины XIX столетия в центральных российских губерниях, на территории нынешних Владимирской, Ивановской, Костромской, Ярославской, Московской областей, работали артели, каждая из которых отличалась от других присущим только ей одной художественным почерком.

Во многих деревнях и селах гжельского региона можно видеть разработку традиционного декоративного оформления фасада, при которой очелье налич-

ника представляет собой трехчастную декоративную структуру, чем-то напоминающую корону, но при всем том более схожую с кокошниками русского женского костюма. В архитектурной терминологии существует понятие «кокошник» — небольшая закомара на культовых зданиях, имеющая, как правило, килевидное завершение. Но здесь трехчастное очелье напоминает элемент костюма даже больше, чем кирпичные завершения церквей. Это, очевидно, объясняется тем, что в нашем случае деревянный «кокошник» имеет богатую детализовку — профили, декоративные гребешки, выточенные бусины. К тому же масштаб оконных наличников в целом более близок человеку, его восприятию с уровня земли, нежели «небесный» масштаб храмового завершения.

Как всегда, в пределах единой темы множество вариаций — раздолье фантазии резчиков. В трехчастном очелье можно увидеть солярные знаки, разнообразные цветы, абстрактные завитки, вызывающие всякий раз новые ассоциации. В одном из домов села Речицы в традиционную композицию включены пятиконечные звезды — дань эпохе. Где-то орнамент идентичен во всех трех частях завершения, где-то явно выделена средняя из них — она и богаче по оформлению, и больше по размерам.

На протяжении всей второй половины XIX века, вплоть до 40-х годов нашего столетия, в Гжели работали артели коробовских плотников. Происходили они из села Коробовского — отсюда и название (село это находится на востоке Подмоскovie, на территории нынешнего Шатурского района). Несмотря на соседство с богатыми лесными угодьями, что обеспечивало прекрасную древесину для строительства и оформления жилища, гжельцы сами не занимались резьбой по дереву — на первом месте был основной промысел. Для коробовцев же Гжель и ее окрестности представляли собой широкое поле деятельности. Обычно в летнее время плотники устанавливали готовые наличники, подзоры, детали светелок на фасады срубов, затем получали новые заказы и возвращались домой. Вся основная работа по отбору древесины, ее сушке и изготовлению орнамента производилась в зимнее время.

Традиции коробовских плотников были столь сильны, что порой невозможно отличить дом, оформленный в начале 1900-х годов, от здания, фасад которого выполнен в 30-е годы, уже перед самой войной. Лишь в послевоенный период, когда борьба с излишествами в нашей архитектуре косвенно сказалась и на сельском жилище и облик домов стал более аскетичным, замеча-

тельная традиция коробовских артелей постепенно угасла.

Но тем более необходимо изучить этот этнографический и художественный феномен, который, без сомнения, таит в себе еще много загадок и белых пятен. В то же время местные жители и сейчас с большим вниманием относятся к внешнему облику своих домов. В деревне Бахтеево замечательный декор дома № 148 при коренной реконструкции всего здания был любовно перенесен на новый фасад нынешним хозяином — Сергеем Александровичем Литовым. А перед тем владельцы одного из домов соседней деревни Жирово, сняв копию, повторили этот самый орнамент уже на фасаде своей постройки. Такие примеры лишней раз подчеркивают, сколь важную роль играет для гжельца «лица необщее выражение» собственного дома.

Можно немало рассказать и о светелках, наиболее распространенной темой в оформлении которых служит деревянная деталь, явно подражающая «гирьке» или, как ее еще иногда называют, «вис-

лону камню» традиционного кирпичного зодчества трехвековой давности. Часто светелка имеет крошечный балкон с оградой, на который не может выйти даже ребенок. Поэтому она не является функциональным элементом, а лишь обозначает принятую в подобных случаях форму. Отметим и существовавшие в 20—30-е годы традиции оформления дымоходов и водостоков просечным железом. Правда, таких зданий в гжельских деревнях и селах немного. Следует назвать дом № 36 в селе Речицы с как бы «проросшими» оголовками водосточных труб. Сохранились в Речицах и кирпичные дома XIX века высотой в два этажа. Они гордо глядят своими фасадами на всегда оживленный тракт, но, благодаря деталям оформления фасадов — рустике, выразительным замковым камням над окнами, профилированным карнизам, кажутся более уместными в городской среде. Особое очарование Речицам придают старые деревья. Они стоят вдоль тракта и наверняка помнят его прежнее покрытие, выполненное из бульжника.

Село Игнатьево.
Георгиевская
церковь. XIX в.

Жизнь гжельцев, как и всех людей нашей страны, в последние десятилетия сильно изменилась. Дыхание новизны коснулось многих сторон знаменитого гжельского промысла. К счастью, научно-технический прогресс пока еще не погубил своеобразия Гжели как уникального подмосковного региона. Если говорить о послевоенной архитектуре здешних сел и деревень, то следует отметить малоэтажную застройку 50-х годов в поселке «Электроизолятор», которая органично вписалась в масштаб окружения. Лишь с началом строительства в ряде мест панельных пятиэтажек облик региона стал меняться в худшую сторону. Что же касается архитектуры садовых участков, то думается, здесь не удалось еще найти того направления, которое обеспечивало бы своеобразие всей окружающей пространственной среды, достойной сегодняшних дней.

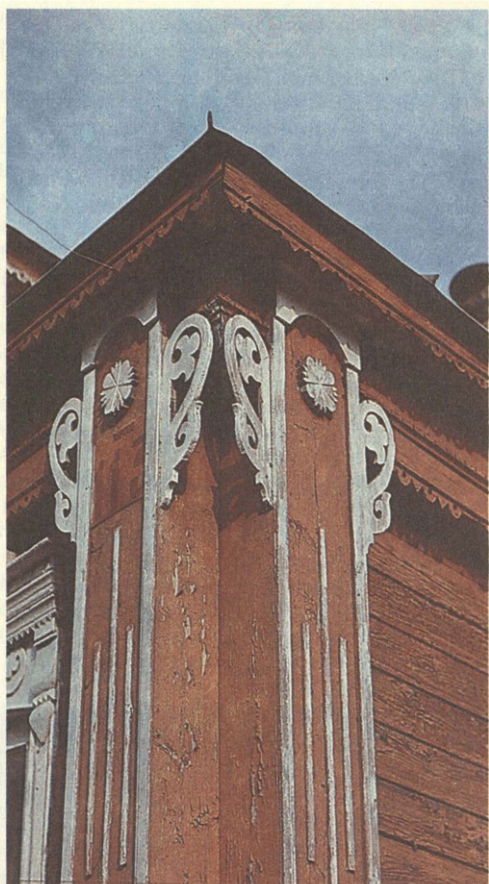
Однако местные жители стремятся если и не возродить существовавшие некогда традиции, то уж непременно найти какие-то новые пути в оформлении

фасадов, способные привести к созданию неповторимого облика жилых домов. В Ново-Харитонове под № 38 стоит оригинальный кирпичный дом, декоративная обработка которого не имеет аналогов в гжельских селах. Запоминаются и деревянные ворота, обладающие хорошими пропорциями. На территории дома № 47 находится подсобная постройка, хозяева которой предприняли попытку расписать ее фасад. Практически во всех селах можно видеть колодцы, увенчанные разными полотенцами, подзорами. На одном из колодцев в Речицах восседает вытесанная из дерева курица. Все это говорит о том, что стремление местных жителей к художественному оформлению окружающей среды не угасает и поныне.

Будучи одним из центров отечественной керамики, Гжель вполне может использовать свой потенциал в оформлении фасадов зданий различного назначения с помощью разнообразных керамических изделий. Тем более что в одной из книг о промысле и его мастерах можно прочесть такие слова: «Городом-садом

Село Речицы.
Купеческий дом.
XIX в.

Деревня Жирово.
Угловой декор
жилого дома

хотелось бы видеть нам Гжель: с монументом в честь многих поколений народных мастеров, с облицованными яркой керамикой общественными зданиями». Между тем в истории Гжели не так уж и много примеров, когда керамику использовали как средство архитектурной обработки фасадов и интерьеров. Лишь в ново-харитоновской церкви был в свое время великолепный фарфоровый иконостас, судьба которого до сих пор неизвестна. Но в последние годы наблюдаются попытки применять местные керамические изделия в архитектуре. При этом используются изделия либо их фрагменты, отличные по масштабу, непохожие по назначению и соответственно выполняющие принципиально разные задачи в формировании архитектурного облика здания.

Так, на фасаде производственного цеха в Турыгине установлены часы, четыре цифры которых заменены круглыми керамическими вставками с традиционной росписью. Но по причине неряшливого фона, вызванного низким качеством строительных работ, искомый эффект вряд ли оказался достигнут. Недавно построенное здание аптеки в Речицах также обращает на себя внимание керамическими деталями фасада: декоративным фризом, порталом, оконными наличниками, в которых использованы растительные и зооморфные

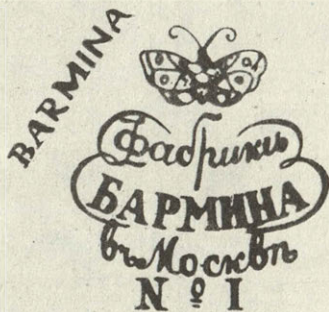
Село Ново-Харитоново.
Декор жилого
дома

мотивы. Весьма необычно использовал керамику, а точнее, ее фрагменты в оформлении своего дома житель Ново-Харитонов Василий Семенович Рябов. Вместо кладки из лицевого кирпича он по всем фасадам сделал цементную обмазку, куда и вставил осколки бракованных изделий, взятых с разных промыслов. Дом получился ярким и многоцветным. В ясную погоду он выглядит даже чересчур броско, но при этом остается местной достопримечательностью, привлекающей внимание прохожих. Говоря о Гжели, мы уже не единожды употребляли термин «среда». Хотя средовому подходу уделено сегодня немало места в научных исследованиях, он заслуживает нашего дальнейшего внимания. Сколько интересного можно увидеть в деревнях и селах Гжели! И это, заметим, без традиционного анализа самих изделий гжельских промыслов, которые неизменно являются предметом восхищения любителей искусства и образцом высокого профессионализма местных умельцев. Гжель как исторический, географический, архитектурно-пространственный феномен, вне сомнения, заслуживает особого плана дальнейшего развития. Того плана, в котором задачи сохранения своеобразия региона ставились бы в комплексе с развитием современной инфраструктуры всей территории промысла. И прежде всего — об этом говорится во многих публикациях — необходимо упорядочить административно-территориальное деление. Ведь раньше то, что называлось Гжелью, входило в единую волость, а ныне эта же самая территория поделена между несколькими сельсоветами.

Действительно, о комплексном плане развития региона всерьез начинают думать только сейчас. О том, что в самой Гжели ныне невозможно достать изделия промысла, известно, наверно, уже всем. А ведь интерес-то к Гжели не иссякает, а, напротив, возрастает. Люди все чаще едут в Гжель и, заметим, в надежде не только приобрести фирменное изделие, но и понять феномен региона, который, как мы увидели, состоит и в неповторимых природных особенностях, и в истории развития местных сел и деревень, и в их архитектурном облике, и в биографиях многих замечательных людей, работавших в этом крае. До сих пор для приезжих даже не предусмотрена широкая сеть предприятий общественного питания, а между тем в Жирове, в доме братьев Селягиных, по воспоминаниям местных жителей, в 1920-е годы работали чайная, «колбасная». За желание и умение кормить людей братья были «раскулачены» и сосланы в Сибирь. Так что восстановление нормального функ-

Гжельская керамика. Фрагмент блюда с «деревенской» росписью

Товарное клеймо гжельской керамики

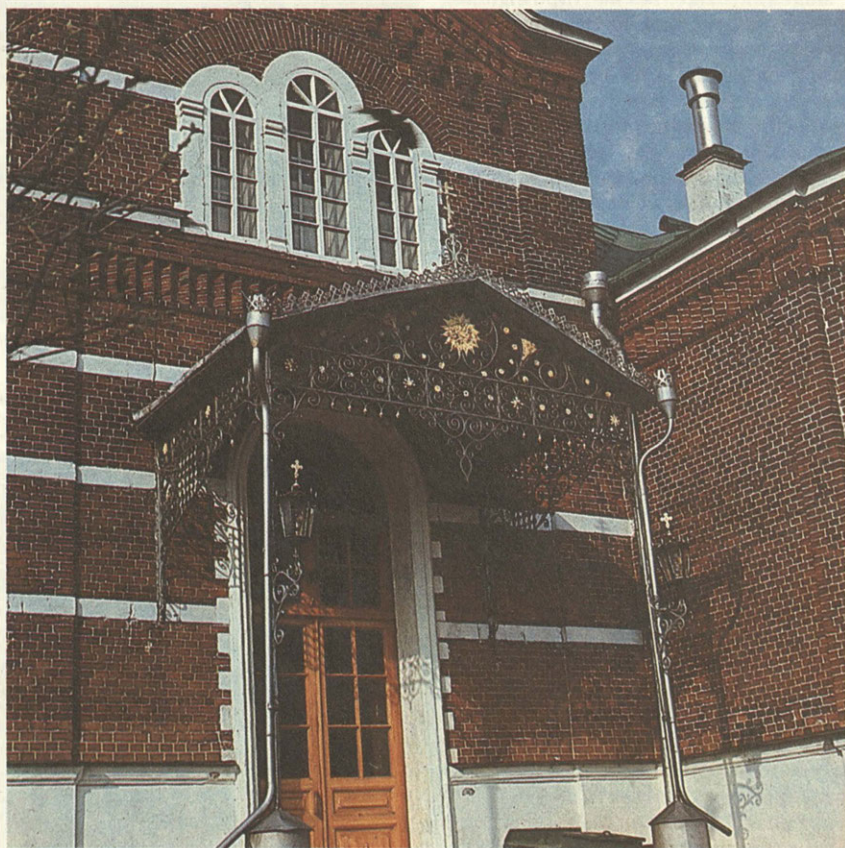
Гжельская керамика. Фрагмент росписи

ционирования Гжели как единого организма имеет под собой не только социально-экономическую необходимость, но и содержит определенный морально-этический аспект, который не могут игнорировать современные специалисты.

В XIX веке Гжель называли «Русским Стаффордширом», имея в виду, прежде всего, сходный характер промысла. Но ведь Стаффордшир — графство, со значительной территорией, и его своеобразие, очевидно, не ограничивается лишь известностью искусства местных керамистов. Если продолжить аналогию, то следует сказать, что попытка комплексного рассмотрения региона Гжели — удел не одних лишь историков и экономистов. Передать черты, присущие

исключительно Гжели, можно с помощью любого вида искусства. В документальном фильме Елены Трояновой многоцветье гжельской керамики и кружево деревянной резьбы, усыпанные плодами ветки рябины, и поэзия Рубцова, эффектные ландшафтные панорамы и встречи с людьми этого края образовали неповторимый синтез — примерный прообраз того, каким является в действительности этот подмосковный край. Вот еще одно свидетельство аксиомы о том, как в каждом, казалось бы, хорошо знакомом явлении можно найти новые, доселе неизвестные черточки. Будет замечательно, если знаменитая на весь мир Гжель постепенно откроет нам свои иные, пока невидимые, но, без сомнения, прекрасные качества.

Село Игнатьево.
Георгиевская
церковь.
Фрагмент